

Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

С Луны упавший — вечно одинок,
пусть даже здесь найдут его в капусте...
Такого, если схватит осьминог
земной тоски — до смерти не отпустит.

В толпе их поведение таково:
все смотрят на часы, как ждут кого-то...
Но это — ложь! Здесь нет ни одного
готового понять их оборота.

Молчалиных везде — как прусаков,
и несть числа с трибун трубящим Чацким...
Где в мире взять обычных дураков,
чтоб о высоком было помолчать с кем?

Не жить им здесь, а маяться: сиречь
молчать о том, что правда жизни — враки,
ведь нету слов таких, чтоб то изречь,
что ясно на Луне любой собаке...

Им с птицами бы дружба подошла,
но гнезда в их берлогах вьют девицы...
Ах, без духовной жажды жизнь пошла,
но без плотской — для жизни не годится.

Уж лучше б им в капусте умереть!
Не вижу здесь ни инь для них, ни ян я...
А не умрут — на злых словечек медь
растратят ведь все золото молчанья.

Пока не проболтались — на Луну
вернуться б, блудным им — к Отцу с повинной.
Глядишь, и не вменится им в вину
зарытый в землю дар их соловьиный.

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор десяти книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Поэт все же мученик где-то,
читай: страстотерпец, но я
здесь вам про счастливого поэта —
влюбленного в жизнь соловья.

Без жалких душевных страданий,
подальше от русских полей,
все больше для Франций и Даний
свистит он из рощи своей.

Влюблен, как биолог, в природу
и в этих, в метро, без имен,
он льет без зазрения воду
на мельницу смутных времен.

Стоящий от власти ошую,
не бывший от власти в бегах,
умеет он славу большую
иметь при хороших деньгах.

Пусть он по-немецки прижимист
и к стомам Руси глуховат,
но жизни при всяком режиме
готов прокричать он: «Виват!»

И знаешь, так искренен, право,
крик этот, так празднично свеж,
что даже такая *отрава*
мне кажется правдой, хоть режь.

* * *

Если встал не с той ноги
и мрачнее тучи,
ты в галоши сапоги
сунь на всякий случай.

Ведь в галошах — хоть куда
через все невзгоды —
вплоть до Страшного суда,
не боясь погоды.

В них простуда не берет
и потоп не страшен,
в них шагай себе вперед
бесшабашно, рашен.

В них героев ты уже
записных не хуже,
даже если ты, Киже,
никому не нужен.

Здесь они тому нужны,
кто живуч, собака,
жизнь свою, как стан княжны,
бросив с полубака.

Здесь идут они тому,
кто никем не понят,
но не стонет здесь «тону!»,
даже если тонет.

Кто уж если и утоп
в день какой хороший,
наплевав на личный гроб,
предпочтет галоши.

ПТИЦА

Взлетела, и слов уже нету:
о, синее море вина!
Ну как синь пьянящую эту
не пить, даже если пьяна?!

И где-то там пятиться раком
иль кольца крутить, как змея,
когда, как соитие, лаком
здесь каждый глоток бытия?!

Как можно быть разумом трезвой,
когда вам позволил Творец,
теряя сознание над бездной,
себя обретать наконец?!

Бродягам, лишенным амбиций,
им собственных перьев не жаль:
им лишь бы к свободе пробиться
и крыльев раскинуть скрижаль.

Не нужно им знать и пытаться,
не важно им что и когда,
ушат леденящих нотаций,
гляди, с них — как с гуся вода...

Не жизнь, а мечта идиота!
Не смыслит ни в чем эта дичь,
а все же таится в ней что-то,
чего, и вместили, не постичь.

ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ

Он знает то, что будет наперед:
как с плеч, разбитых в кровь, сорвут одежды...
Когда не кесарь судит, а народ,
на справедливость нет уже надежды.

Врученную доигрывая роль,
весь там уже, в финале, поневоле,
Он знает — дальше боль и только боль...
Но что любой об этой знает боли?!

Стоит и все глазами ищет мать.
Все тверже дух в Нем, все бесплотней руки.
Душе, не дрогнув, муку принимать,
но плоти-то ведь — корчиться от муки...

Ему уже открыто, что теперь
Отец его в Нем стал бессильным эхом,
чтоб на кресте Он был лишь человеком,
в которого вцепился лютей зверь.

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ В ВИФЛЕЕМЕ

Замкнулся круг... Смолкает стали звон,
под всадниками хрипло дышат кони.
Как мертвенно-бескровен небосклон —
ни птицы, ни звезды на небосклоне.

Скрип снега, с петель сорванных дверей...
Вот и разыгран — никуда не деться —
сюжет с надсадным криком матерей,
взирающих на кровь своих младенцев.

Ведь если Тот, кто где-то здесь рожден,
оставить может Ирода без шансов,
рожать — по сути, лезть тут на рожон.
Им может быть любой из этих агнцев!

Нет, в смерти их никто не виноват —
ни царь, ни меч, что выхвачен из ножен,
и, может быть, излишне грубоват,
но нежный здесь — едва ли не безбожен.

И стоит ли считать людьми всех тех,
в ком зла еще — ни капельки, ни крохи?!
Выходит, не велик и этот грех,
а кровь пустить — на пользу лишь эпохе?